

Пестриков О. В.
О «НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРОШЛОГО» В АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ
(СИЛЕЗСКИЙ ПРИМЕР)

Одной из главных, но конечно же не единственной, особенностей любого национального исторического канона является убеждение о практически вечном существовании нации [2, с. 6]. Из это следует не только то, что в каждой эпохе можно будет встретить ее [нации] представителей или ее предков, но и то, что современные границы государства можно легко перенести в прошлое.

Очень часто ретроспективно в прошлое уходят не столько актуальные границы, но и границы «ментальные» или «воображенные». В современной Европе, наверное, самым ярким примером является Венгрия, которая и сейчас часто «воображается» в глубь веков, в неких вневременных дотрианонских границах.

В XIX веке не меньше пищи для размышлений давала польская историография. Некоторые современные польские исследователи оперируют очень интересным термином – «ментально будущее польское государство» [4, s. 14]. Вписывание в его состав тех или иных регионов происходило через вписывание их истории в общую канву польской истории. То есть, если историк предполагал, что в будущей Польше будет место Силезии либо Восточной Пруссии, история этих регионов находила свое место в общем повествовании, если нет, то, соответственно, исключалась.

Эти тенденции легко сочетались с позитивистским культом источника. История писалась исключительно на основании текстов, которые подвергались невероятно взыскательной критике, внешнему и внутреннему анализу, не только на уровне нарративных целостностей, но и отдельных фраз, предложений, слов. При этом сама национальная суть исторического источника под сомнение не ставилась. Если нация была категорией вневременной, а источники действительным, реальным реликтом прошлого, то логичным умозаключением ставало представление о национальном характере любого источника. Таким образом не приходится удивляться тому, что описанная выше «ретроспективная национализация» касалась не только территорий, героев и событий (наша /не-наша история), но и самих исторических источников. Говоря более отвлеченным языком – острая критика формы, не отменяла практически догматической веры в национальное содержание исторического источника. В таких обстоятельствах признание той или иной группы источников, происходящих с определенной территории источниками по «нашей истории», означало признание этой территории «нашей территорией» и наоборот – связь с «нашей территорией» указывала на родной характер «наших источников».

Хрестоматийным примером первого случая (источники → территория), наверное, является работа российских археографических комиссий (Комиссий по разбору древних актов) – Киевской, Виленской и Кавказской. Все три комиссии можно рассматривать как составляющие элементы политики «историографической экспансии», имеющей целью заменить один господствующий нарратив (польский, в первых двух случаях) на другой (имперский, во всех трех) [1]. Комиссии переиздавали и издавали летописи, хроники, документальные источники маркируя их как южнорусские и западнорусские. Парадоксально, но такая активная деятельность заложила основу будущих украинских и белорусских историографий. Хотя основной её целью, подчеркнем еще раз, была собственно «историографическая реполонизация» этих регионов. История этих регионов не должна была впредь восприниматься как польская, а источники территориально связанные с ними как источники к польской истории. Прошло менее, чем двадцать лет от начала деятельности археографических комиссий, и их плодами воспользовались новые поколения украинских и белорусских ученых. Пытаясь колонизировать окраины, имперская власть создала источниковый канон для новых национальных историографий.

Подобный процесс происходил и в среде польских историков. С той разницей, что он не инициировался государством и не имел соответственно мощной государственной поддержки, как следствие господствовал второй подход (территория → источники). Современный польский исследователь М. Цетвинский писал некогда о «историографической одержимости границами» характерной для польских ученых XIX века (местами сохраняющейся также в наше время). Самый яркий пример – история публикации В. Кентжинским Клодзского Синодика (Glatzer Totenbuch). Документ, найденный польским ученым в библиотеке кафедрального собора в Гнезно, был опубликован в немецком журнале (1887 г.) и не включен в польское, редактируемое самим Кентжинским, многотомное издание Monumenta Poloniae Historica [4, s. 142]. Для историка графство Клодзко ни в прошлом, ни в будущем не было частью польского государства, его история не являлась частью польской истории, а значит документам связным с ним не было места в польском национальном каноне.

С немецко-австрийской Силезией в XIX в. ситуация была полностью обратной. Она не была исключена полностью из польской истории, а значит главная задача польского историка – доказать и показать польский характер силезских источников.

Почти половину объема третьего тома *Monumenta Poloniae Historica*, изданного А. Беловским в 1878 г., занимали многочисленные силезские летописи и хроники. В оглавлении они хоть и были четко отделены от польских источников, однако каждый из авторов вступительных замечаний, неявно или наоборот совершенно открыто подчеркивал, что ему приходилось иметь дело с источниками по родной, польской истории.

Из семнадцати силезских летописей и хроник, находящихся в этом томе, только три были опубликованы впервые. Более того, почти все эти источники силезского происхождения были опубликованы двенадцатью годами ранее в девятнадцатом томе *Monumenta Germaniae Historica* под редакцией В. Арндта. В случае, например с *Chronica Polonorum* это было шестое издание подряд. Правда, новое польское издание имело заметные преимущества, с точки зрения проделанной работы и уровня источниковедческой критики. Кроме того, авторам удалось найти новые, часто неизвестные рукописи, которые дополнили редакции их предшественников. Так же в не последнюю очередь следует напомнить, что силезские летописи и хроники стали теперь более доступными для польских ученых.

Однако, кроме исключительно научной ценности, новое издание выполняло функцию идеологического прописывания присутствия Силезии в пространстве польской истории. Л. Цвиклинский во вступительном слове к *Chronica Polonorum* прямо писал: «Мы готовим новое издание этой летописи по двум причинам, первая из которых состоит в том, что она должна найти место в полном собрании средневековых польских источников [...] и чтобы дополнить издания более ранние... [тут и далее перевод с польского мой – О. П.]» [5, s. 579].

Тот же Л. Цвиклинский открывает свою вступительную статью размышлениями о правильности перевода названия публикуемой им хроники. В сохранившихся рукописях название отсутствует, за исключением коротких подписей – *chronica Lechtiarum* и *hic est kronika polonorum*. Первый редактор Ф. Соммерсберг назвал её именно *Chronica Polonorum*. В *Monumena Germaniae Historica* В. Арндт назвал её уже *Chronicon Polono-Silesiacum*, то есть польско-силезской хроникой, в связи с тем, что большинство событий, описанных в хронике, происходило в Силезии. Л. Цвиклинский, соглашаясь В. Арндтом в том, что речь идет о региональной хронике, настаивал на старом названии, потому что «название *Chronicon Polono-Silesiacum* могло породить представление о том, что Силезия не была польским краем в описанные в хронике времена...» [5, s. 579].

Не менее странными, чем спор издателей о правильном имени, с современной перспективы представляются попытки З. Венцлевского, издателя *Chronica Principium Poloniae* и Л. Цвиклинского установить национальность авторов средневековых хроник, с одновременной попыткой реконструировать национальные отношения в Силезии XIV века на основании этих текстов. Венцлевский, например, писал, что хотя автором хроники, несомненно, был немец, этот „немец, был честен и справедлив, что не всегда ходит в паре“ [5, s. 579].

Происхождение автора и его отношение к немецкому языку было проблемой, которая поднималась в каждом введении к каждому опубликованному источнику как особый элемент внутренней критики. Историкам-позитивистам, удавалось на основе скрупулезной критики источников воссоздавать социальную и правовую структуру старой Польши, а также мир культурных, религиозных и этнических отношений, однако в этой реконструкции нации априорно рассматривались как принципиально неизменный конструкт, а современные историкам конфликты как такие, что продолжались веками. Так один из издателей, М. Блажовский изобразил мир летописца XIV века как совершенно антагонистический, установив национальность автора *Annales Silesiaci Compolati* на основании (помимо строго лингвистических свидетельств) следующих рассуждений: «... единственный персонаж, который выглядит наиболее нелестным во всей хронике, – это один из силезских князей, который, по его словам, привел немцев в страну [...] Болеслав Лысый [...] мы думаем, что немец сказал бы более мягко о князе, отдавая предпочтение своему племени...» [5, s. 668].

Одним из источников, впервые появившихся в печати в третьем томе *Monumena*, стала *Cronica Silesiae abbreviata*, или краткая хроника Силезии, изданная А. Семковичем. Автор летописи был, как определил самим А. Семкович, был жителем Познани, а это значит, что хроника являлась силезским источником скорее по сюжету повествования, а не по своему происхождению. Однако она сознательно была размещена разделе «силезские источники» третьего тома *Monumenta*. Сейчас сложно сказать, в какой степени это редакционное решение было вызвано техническими причинами, а в какой было проявление особого историографического видения авторов. Хроника не содержит оригинальных сведений (кроме познанских сюжетов) и являлась компиляцией более ранних хроник. В предисловии к ее изданию А. Семкович подчеркнул недвусмысленную скорбь автора по поводу присяги некоторых силезских князей представителям Люксембургской династии и прямо выраженную надежду на возвращение Силезии к Польше. Фактически, в тексте летописи эти слова относятся только к двум правителям – Генриху VI Вроцлавскому и Болко II Свидницкому, которые в действительности не слагали ни присяги, ни оммажа, а, будучи бездетным, просто

передали свои княжества в наследие чешским королям. Чуть дальше по тексту (который А. Семкович уже не цитирует) автор прямо говорит, что их прирожденные владельцы все еще остались (*preservant*) в Мазовии (*sic!*), в Цешине, Ополе, Легнице и Олеснице. То есть речь на самом деле шла не о всей Силезии и не только о Силезии, чего Семкович не мог не заметить [5, s. 727]. Выражение надежды на возвращение, столь настойчиво подчеркиваемое польским историком, дословно звучит весьма фаталистично – «*sed non est nostrum scire tempora vel momenta, quae Deus posuit in sua potestate*», то есть практически выражается словами из Деяния Апостолов (гл. 1. 7), которыми Христос отвечает на вопрос учеников – когда восстановит он царство Израильское – «не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти». Как следует понимать эти слова – вопрос спорный. Скорее всего автор Деяния Апостолов, средневековый хронист и польский ученый-позитивист могли понимать их по-разному, но наиболее достоверное толкование – «никогда». Эти слова могли указывать на смирение, тайну и неведение, возможно даже внезапность. Однако следует признать, что даже в устах, погруженного в эсхатологические ожидания средневекового автора, они вряд ли могли свидетельствовать о надежде на скорое свершение чего-либо. Семковичу же удалось увидеть в этом тексте надежду на скорое возвращение территорий под власть Кракова. В интерпретации редактора размышления познанского летописца конца XV – начала XVI века стали приобретать черты свидетельства существования отдельной польско-силезской историософской национальной мысли, составными частями которой было чувство единства и тесной связи двух регионов.

Важно заметить, что всех описанных случаях собственно уровень археографической работы не вызвал никаких нареканий и соответствовал высоким стандартам, своего времени. Происходит, однако, соответствующая маркировка источника как польского, а вариативность понимания текста сужалась. Процесс, который сейчас мы бы назвали «национализацией прошлого», имел далеко идущие последствия. Во-первых, среди польских историков начинает расти уровень заинтересованности в силезских сюжетах. Источники становятся физически доступными и «ментально» своими. Во-вторых, трактовки, поданные редакторами, мгновенно становятся классическими, такими, которые в неизменном виде время от времени можно встретить и у современных авторов.

1. Журба, О. И. «Историографическая экспансия» как инструмент формирования национальной историографии / О. И. Журба // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки» – 2015 – № 8 – С. 140–146.
2. Касьянов, Г. В. Національні історії та сучасна історіографія: виклики й небезпеки при написанні нової історії України / Г. В. Касьянов, О. П. Толочко // Український історичний журнал – 2012 – № 6 – С. 4–24
3. Cetwiński, Marek. Drogi i bezdroża dziejopisarstwa. Olsztyn: Studio AB, 2017. – 456 ss.
4. Malczewska-Pawelec, D. Dialog o Śląsku: o (nie)zmienności obrazu krajiny i jej mieszkańców w polskich syntezach dziejów narodowych epoki zaborów: (studium historiograficzne). Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2012. – 472 ss.
5. Monumenta Poloniae historica = Pomniki dziejowe Polski. – Т. 3. – Lwów : nakł. Akademii Umiejętności 1878. – 885 ss.

Рокина Г. В.

«МЕСТА ПАМЯТИ» РУССКО-СЛОВАЦКИХ СВЯЗЕЙ В АРХИВАХ И МУЗЕЯХ СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ¹

Со времен «мемориального бума» одной из актуальных тем в современном историческом сообществе является проблема соотношения истории и исторической памяти. Впервые она была сформулирована французским теоретиком памяти П. Нора в его концепции «мест памяти» в конце 1990-х годов [6]. С этого времени разделение истории как репрезентации прошлого и памяти как культурной практики, изменчивого и конъюнктурного воображения, было принято большей частью профессиональных историков. Важное место в этой системе занимают архивы и музеи, где сосредотачиваются вещественные источники, подлинные свидетельства прошлого: в архивах – это документы, главным образом письменные источники; в музеях преобладают «вещи», т. е. источники невербальные [8; 11]. Историческая память, и связанная с ней «политика памяти» является важным фактором, оказывающим влияние на формирование идентичности человека, прежде всего национальной.

Особое место «политика памяти» занимает в странах, которые пережили в конце 1980-х гг. переход от социалистической модели управления государством к капиталистической, что также сопровождалось трансформацией идеологической составляющей обществ. После вступления в Европейский союз постсоциалистические государства стали интенсивно разрабатывать собственные подходы политики памяти и расширять ее применение через возникшие Института памяти и формирование соответствующей законодательной базы, в том числе в сфере музейной и архивной политики [10].

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20–09–00279).